

СВЕТЛЯЧОК

17.09.2012

№10 (18) Сентябрь 2012 года

• Край родной Хранители родовой памяти

Так они себя и называют, что совершенно справедливо. И какие бы жаркие профессиональные споры между ними не кипели, собираются поддержать собрата, если тот выходит к людям со своим словом. Так было и в этот раз: когда Андреапольский район посетил «хранитель родовой памяти» из Удомли Дмитрий Подушков, все андреапольские краеведы поспешили на встречу с ним. Приехал он по приглашению писателя и журналиста Валерия Кириллова, которым и был представлен на встрече.

«Не будет России – не будет и меня. Я просто престану существовать», - в этих словах удомельского гостя не усомнился никто, настолько они были искренними. Боль за родной край, неподдельная любовь к нему чувствовались в каждом его слове.

Немалые километры разделяют наши города, но имя Подушкова в области на слуху. Поэтому, кроме краеведов, в районной библиотеке собрались те, кому интересна судьба и история Тверского края. А Дмитрию Подушкову было что рассказать. Не одно десятилетие он по крупице собирал факты, воспоминания, документальные подтверждения о знаменитых людях, когда-либо живших в удомельском крае или посещавших его. Каждое такое авторское исследование выливалось в печатное слово. Из-под пера Дмитрия Леонидовича вышли такие книги как «Художник К. А. Коровин в Вышневолоцком уезде Тверской области», «Чехов и Левитан на удомельской земле», «Знаменитые россияне в истории удомельского края» и ряд других.

Каждая краеведческая книга, по признанию автора, требует не менее десяти лет кропотливого исследовательского труда. Чтобы свести неизбежные в этом деле неточности к минимуму, нужно не раз всё сопоставить и перепроверить, перебрать море архивных документов и только тогда браться за перо. Именно так и поступает этот краевед.

Он хороший рассказчик, отлично владеет материалом, помнит тексты не только своих книг, но и трудов других удомельских краеведов, книги которых им тоже были представлены.

Немало интересного узнали из его уст слушатели: например, неизвестные и нигде ранее не публиковавшиеся факты из жизни Аракчеева, которого не совсем справедливо, по мнению автора, считают эталоном жестокости; подробности некоторых сердечных увлечений Исаака Левитана, случившиеся именно в Тверском крае; сюжеты меценатской деятельности художника Коровина, не получившие в последствии заслуженной благодарности от местных крестьян, и многое другое.

Отвечал писатель-краевед на вопросы неравнодушных слушателей, делился своими впечатлениями от поездки по нашему району (он побывал в Хотилицах, Торопце, Жукове).

Говорили о проблемах краеведения сегодня. Основную сложность он видит в том, что сегодня краеведение нужно единицам, как на верху общества, так и внизу. Общество озабочено лишь наполнением карманов. По его ощущениям, мы потеряли свою корневую систему, и если не спохватимся, то будет поздно. Дерево без корней обречено на гибель.

В заключении Д. Л. Подушков подарил библиотеке по одному экземпляру представленных им книг, которые будут доступны заинтересованным читателям.

М. Петрова

• Дебют

Валерий Разживин**ЛАПОТКИ**

РАССКАЗ

- ОТКУДА у Вас эти маленькие лапотки? - спросил я у Анны Павловны, показывая на аккуратно сплетенные крохотные лапти. (Лапти — это обувь, сплетенная из лыка).

Анна Павловна — моя первая учительница по истории. Высокая, с чуть заметными сединочками в черных волосах, гладко зачесанных назад и собранных на затылке в большой узел. Выглядела она моложе своих лет. Может это оттого, что она всегда среди молодежи. Мы очень уважали ее и любили слушать различные забавные истории из учительской практики.

- Это целая история, Валера, — ответила она на мой вопрос.

- Расскажите, — попросил я.

- Было это после войны, — начала свой рассказ Анна Павловна. — Как-то провожу урок истории в четвертом классе. Учился в том классе и Коля Сергеев. Отец у него погиб на фронте, мать умерла от голода. Воспитывался он у бабушки. Многие думали, что без отца и матери мальчик захиреет. А Коля рос бойким и крепким. Учился в школе лучше других своих сверстников и любил что-нибудь мастерить. Вскоре вернулся его дядя. С ним он стал жить, ходить на охоту и рыбалку.

Анна Павловна на миг задумалась и продолжала:

- Коля сидел на второй парте. Всегда внимательный, сейчас он смотрел под парту. Я прошла между партами. Он, увлеченный своим делом, не заметил меня. Мне не видно было, что он делает. И я, подойдя к нему, спросила:

- Сергеев, что ты делаешь?

Коля вздрогнул и быстро положил руки на парту.

- Ничего, — солгал он.

- Покажи, что у тебя там? — настаивала я, показывая под парту.

Коля медленно достал недоплетенный маленький лапоток и подал его мне. Я взяла его и положила на стол. До конца урока он слушал внимательно.

А после урока, когда все вышли из класса, он подошел ко мне и, виновато опустив голову, попросил:

- Анна Павловна, отдайте, пожалуйста, мне лапоток. Я вам новые такие же сплету.

- Зачем тебе лапоток? — спросила я его.

- У дяди завтра день рождения, вот я и хотел подарить ему их. Боялся, что не успею, поэтому стал плести на уроке, — объяснил мне Коля.

Я знала, что Коля очень любит своего дядю, но купить подарок у него не было денег. И я отдала ему лапоток. Он доплел их и подарил дяде.

Как-то после уроков Коля подошел ко мне:

- Анна Павловна, возьмите, пожалуйста, я ведь обещал, — сказал он и подал мне такие же маленькие лапотки.

- А сейчас Коля Сергеев работает инженером на новом заводе. И когда встречается со мною, с улыбкой вспоминает про лапотки, — добавила к своему рассказу Анна Павловна.

- Я бережно храню их, у меня много подарков от ребят, которых я учила, — сказала она и выдвинула ящик комода. Там было все, что могли смастерить мальчишки и девчонки.

- А вот и твоя работа, — сказала Анна Павловна, показывая макет поселения первобытных людей. Перебрав все подарки, она чему-то улыбнулась и задумалась. Видимо, вспоминала... А ей есть что вспомнить.

Вот какую историю рассказала мне старая учительница.

- Листая старую тетрадь

Михаил Никоноров

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ ВЕКА

Осень.
Свинцовая осень.
Страшный загул в природе.
Большая часть деревьев
пропилаась догола.

Осень.
Свинцовая осень.
Щедрый кассир ветер
выдал аванс листьям.
Из них половина пьяными
уже на земле лежат.

Осень.
Свинцовая осень.
Выпить и мне, что ли,
на берегу речки
или в осеннем лесу?

Осень.
Свинцовая осень.
Пронзительно нежной печали
странное сладкое время.
Как не обмыть тебя мне,
падения плодов пора.

Осень.
Свинцовая осень.
У власти уже не Раиса:
можно и в нашем посёлке
водки паршивой купить.

Осень.
Свинцовая осень.
Первый стакан принят.
Ласковым стало небо
с низкими облаками.
В сердце вернулась весна.

Осень.
Свинцовая осень.
Как я люблю выпить!
Как презираю трезвость!
Мгновенье...остановись!

Осень.
Свинцовая осень.
Брежу иль наяву я?
Проснулся от лютой стужи.
Лежу я на куче хвороста.
Ни огонька кругом.

Осень.
Свинцовая осень.
Мрак, неизвестность в природе.
Мрак, неизвестность в России.
Мрак, неизвестность во мне.

Осень.
Свинцовая осень.
Особо свинцовая осень.
Последняя осень века.
Последняя - тысячелетья.
Последняя, может, моя.

Ноябрь 2000 г.

КОРОТКАЯ ДИСТАНЦИЯ

*Людмиле Кондратьевой,
чемпионке Московской олимпиады*

Пропать, Кондратьева, между нами,
которую и измерять-то неловко.
Но вновь перед моими глазами
ваша олимпийская стометровка.

Помню финиш, замершие трибуны.
Табло загорается: «Победа!» И вот
прозванная «солнечной» бегунья,
плача, к своему пьедесталу идёт.

И было радостно, светло и тепло.
Спасибо за бег и за слёзы эти.
Побольше бы слёз таких лилось
На нашей привычной к слезам планете.

Но как ни летай, как ни кружись –
снегом растаем. Никто не останется.
В сущности, Люда, вся наша жизнь –
это бег на короткую дистанцию.

Так. Но пусть бесполезны усилия,
мы будем пытаться, пока живём,
бегать. Недолго, но красиво.
Как вы, Люда, бегали во время своё.

- НА КОНКУРС «ВОТ СИЖУ Я У ОКНА...»

Мозаика памяти

Я сижу у окна. По небу скользят облака и из них, как в детстве из кусочков цветного стекла в калейдоскопе, складывается мозаика. Взгляд на алеющее небо - и слайдами приходят воспоминания о другом вечере.

Мне 11, за плечами отцовский рюкзак и старенькое ружьё. Мы с папой идём по кромке поля из осеннего леса. Добытый мною рябчик висит на поясе. Пахнет травами и увядающей листвой. И, кажется, вот так мы и будем всегда идти рядом по кромке жизненного поля. Над нами, высоко в небе важно проплывают пушистые белые облака.

Другой вечер, метель, снежинки мотыльками падают на землю. Вглядываюсь в подступающую тьму, силясь разглядеть знакомый силуэт. Отец на охоте. Сейчас ввалится в квартиру, принеся с собой запахи леса, мороза и костра. Будем пить чай на кухне, а мне достанется кусок хлеба и ломтик сала, которые прислала лисичка. Чуть-чуть влажный ноздреватый хлеб особенно вкусен. Его Патрикеевна испекла специально для меня. Из-за кухонных штор в окно заглядывает луна в короне седых облаков.

И снова вечер, мне уже 19, в животе рыбкой плещется первенец, мой сыночек. Я сижу на берегу реки, наблюдая за её неспешным течением. Смеркается. Возле костра, помешивая кашу, суетится отец. Стрекочут кузнечики. Далеко в лугах надрывается выпь. И я мечтаю, что через несколько лет на этом же берегу с нами будет и мой малыш. В розовеющем предзакатном небе - паруса облаков.

Новая картинка. Папа чистит ружьё. Потертый чемоданчик с дробью, порохом и прочими нужными вещами манит к себе больше, чем витрина дорогого бутика. Наматывать промасленную тряпку на шомпол одной рукой неудобно. Но другая недвижима после инсульта. Ему помогает уже внук. Дед жестами даёт практические советы. Речь так и не восстановилась. Они возятся вдвоём. Гляжу на них, вспоминая своё детство. В нём эта же комната и чемоданчик, только вот отец молодой и здоровый. И завтра он снова отправится в лес. Небо за окном сумрачное, как перед затяжным дождём.

Последняя картинка. Снова ранняя осень, по кромке поля из леса идём мы с сыном, теперь уже он добыл рябчика. Папы больше нет. Над нашими головами высоко в небе плывет перламутрово-белое облако. Я чувствую на себе любящий отцовский взгляд.

Наталья Венкова,
г. Нелидово

• Размышление о прочитанном

Рубон, Эридан, Виэна...

Прочла замечательную книгу краеведа Алексея Попова «Загадка янтарной реки», повествующую об исследовании истока Западной Двины. Многие в этой книге поразило, удивило меня, жителя побережья этой реки. Я поняла, как мало знаю о своём крае, о любимой реке, на которой пропадали в детстве и юности с утра до вечера в любую погоду.

Первое, что хочется отметить, - язык повествования – живой, образный, не позволяющий оторваться от чтения.

Рассказ о самой реке начинается очень оригинально, красиво: «У рек, как и у людей, свой характер... свои особые черты. Есть большие, значительные, величавые... Есть яркие, уверенные в себе... А есть тихие и незаметные, спрятавшиеся в зарослях ивняка и осоки... Их красота раскрывается постепенно и уже никогда не отпускает».

Не правда ли, узнаётся наша река в этом описании? Жителям нашего города такой она и видится. Автора книги привлекла не только спокойная красота реки. Изучив исторические данные об исследовании истока Западной Двины, её нравов, богатств, краевед задался целью побывать на её истоке. По тому, как пройден этот путь, можно судить об авторе, как о человеке очень целеустремлённом, настойчивом, изобретательном. А главное, любящим краеведение и верящим в его силу.

Оказывается, у нашей реки много загадок, связанных с её названием. Это и Янтарная река, и Эридан, и Рубон, и Виэна, и Дина. Последнее название, означающая полноводная, двойная, тихая, предполагается учёными взять за основу названия. А ведь действительно, сподвижники вместе с автором нашедшие источник, обнаружили два незаметных совпадающих ручейка. Но автор очень деликатен, и не настаивает на этой версии, считает, что янтарная река ждёт новых исследований.

Но река не совсем и тиха, я не знала, что существуют на ней пороги, которые занимали в России по протяжению и высоте падения воды третье место и носили устрашающие названия: Собачье сердце, Щучье место и другие.

Книга снабжена удивительными, редкими фотографиями, картами, отображающими путь следования к истоку и ранних учёных-краеведов, и автора. Думаю, по нашим лесам и болотам путь этот был нелёгким, но интересным. И сейчас нашлись бы в городе желающие проделать его. Вернусь к фотографиям. Они собраны из различных источников, архивов и свидетельствуют о том, какой богатый была река, и как деловито использовал её человек: занимался рыбной ловлей, охотой, сбором грибов, ягод, перевозил значительные грузы. Обустраивал своё жильё вдоль берегов.

Книга навеяла много размышлений о себе, о национальной гордости. Об истинной любви к своему краю, об авторе. Не хочу навязывать их читателю. Но автор заслуживает особых благодарных слов. Такую искреннюю, ненаигранную любовь к своему делу, к природе, пусть высоко сказано – к Родине, в настоящее время редко встретишь. Люди заняты приобретением материальных благ. Автор грустит об этом. Его беспокоит, что побережье зарастает, земли пустуют, не используются рачительно. Он не просто созерцатель, он экономист, предлагает возможности использования природных благ, причём, не придумывает чего-то, требующего огромных вложений. Просто необходимо особое состояние души и любовь к собственной национальной культуре.

Современный социум сделал нас глухими, ленивыми. Поэтому автор много размышляет о значении краеведения, это одно из важнейших проявлений национального самосознания. Желаю ему быть таким же неутомимым, верным своему делу.

Александра Хребтова,
г. Андреаполь

На снимке: «Сушка сетей на озере Карякино».
Фото личного фотографа Николая П – С.М.
Прокудина-Горского. 1910 г.

• Гости клуба

Валентин Штубов

Это имя хорошо известно в Нелидове, где он живет, и в области. Выпускник

Литературного института, член союза писателей России, член Союза журналистов, автор

нескольких поэтических книг, он прислал нам свои миниатюры, предварив их следующими строками: *«Маргарита, очень рад знакомству! Посылаю для Вашей газеты "Светлячок" свои этюды. Жду ответа: они годятся?»*

* * *

Всё сделаю, пока в любви и силе,
Для мира, для юдоли грешной сей;
Но страшно мне молчание России
К моим делам и совести моей.

* * *

Весна. Предутренний осинник.
Листва и ночь над головой.
Но муравей звезду в росинке
Дотащит всё-таки домой.

БАГРЯНЫЕ СНОПЫ

Воздуха багряные снопы
За окном являет снова осень;
Эту жатву ей нескоро бросить
В перелеске, в поле, у избы.

Сохранится в закромах ума,
В пушкинской строке пребудет свята.
...Укрывает бережно зима
Закрома багряные заката.

ОСЕННЯЯ ИЛЛЮЗИЯ

Чуть не в облака собираются стаи;
Погрустневшее небо их ласкает лучом;
И мне кажется, да! -- что земля -- золотая,
Ах, сама золотая! А листва ни при чём.

* * *

Небеса под людскими взглядами
То бледнеют а то темны.
Облака летят над закатами,
Словно в красных рубахах сны.

Из сборника «Наивные цветы»

* * *

Ты напиши мне просто, что жива.
И всё. И только. И не надо больше.
Ты видишь: поседела голова,
Да и душа, и сердце – не моложе.

Ты что ж молчишь бездарно-непогоже?
Обиделась? Ну ладно... Ты права.
Вон в небе зазвенела тетива...
Стрела меня достанет, боль итожа.

Но прежде... прежде пусть твои слова.
Ты напиши мне только, что жива,
Что ходишь, улыбаешься и дышишь.
Пусть даже позабыла вспоминать,
Как было горячо вдвоём дышать,
И пусть, что любишь, больше не напишешь.

ОПОМНИСЬ

Опомнись! Что ты говоришь?
Что я тебе сейчас не дорог?
Зачем ты поджигаешь порох?...
Ты в нём уже сама горишь!

Какая горестная тишь...
Как после боя, после взрыва.
Ты, словно гибель, молчалива.
Ты нас двоих сейчас казнишь.

Ни воскрешения очей,
Ни утешения речей.
Да! Я тебе уже не дорог.
И я давно уже ничей.

...Как душно пахнет горький порох.
И нет в том порохе лучей.

* * *

Мы не встретимся в мире астральном,
Просто в лоно земное уйдём.
Не для нас занебесная тайна –
Где Паоло с Франческой вдвоём.

Да! Мы врозь удалимся с тобою.
И на это не надо роптать:
Что ж поделат, коль тайной земною –
Даже ею! –
Не в силах мы стать.

Маргарита Петрова

Неформат

РАССКАЗ

Эту тетрадь в рыженькой обложке Пашка, друг детства и бывший сосед, передал ей в школе на вечере встречи выпускников. В кои-то веки собрались. Через столько лет! Конечно те, кто сумел уцелеть в жизненных передрыгах. Круг школьных друзей сузился больше, чем вдвое.

- Посмотри, Людмил, здесь вся моя жизнь, - сказал, смущаясь, - может быть, на что-нибудь сгодится. Ты ведь в редакции приличного журнала работаешь.

- Тетрадь-то из какого века, где он и взял такую сейчас? – подивилась она, молча разглядывая сокровище. - Ну да, цена 41 копейка, 96 листов. В семидесятые такие делали.

Взялась за неё не сразу, а когда открыла, оторваться не могла. Просидела до полуночи и, прочтя, не знала, что теперь с этим всем делать. Это были стихи. По качеству исполнения – так себе, о теории стихосложения автор имел понятие весьма приблизительное. Но беспомощные строчки таили в себе такую неизбывную тоску, такую надежду непонятно на что, на какое-то чудо, что ли? В каждой строке, в каждом тексте Людмила узнавала ЕЁ, его давнюю тайную любовь.

Вспомнился день Пашкиной свадьбы. Нет, не на той, которой посвящались эти строки. Невестой была молоденькая учительница математики из той школы, где друг её работал фельдшером. Он прибежал в поликлинику при полном параде, в новеньком костюмчике, с цветочком в петлице, из кармашка торчал уголок белоснежного платочка.

- Люська, позови, пожалуйста, Варю, я сам не могу, ты же понимаешь, муж её неподалёку.

- Павлик, ты что, сдурел? У тебя же бракосочетание через полчаса. Какую Варю? Сашенька твоя где?

- Люсенька, прошу тебя. Последний раз поговорю с ней, вдруг всё сложится? Умоляю.

Она всё же позвала эту Варю, лаборантку, хорошенькую жену хирурга, с которым Людмила работала медсестрой. Кокетку и дурочку, какой её считала, строившую глазки каждому мужчине, который случайно оказывался рядом. Муж её, конечно, тоже не был подарком. Способный хирург, выучившийся на деньги матери, санитарочки из хирургического отделения, рано и серьёзно пристрастился к спиртному. К его дежурству Людмиле приходилось прятать баночки с шовным материалом и инструменты, хранящиеся в перевязочной в спиртовом растворе. Иначе сольёт и выпьет. Не брезговал. Но ведь у них ребёнок. Да и если бы эта Варя вела себя иначе, да за мужем присматривала тщательнее, возможно, и не докатился бы до такого.

Свадьба тогда всё-таки состоялась. Видно, Варе было не до Пашки. А вскоре они с мужем укатили в областную столицу. Теперь, через 40 лет, эта история опять всплыла, казалось бы, из небытия. Неужели они и потом встречались? Из стихов такой вывод напрашивается. То они где-то на морском берегу, то вишней лакомятся в каком-то саду, то бродят по осенним аллеям, то несутся на лыжах с горы. Как это могло быть? Людмила, правда, в городке их детства редко бывала. После окончания журфака в столице работала. Но слышала, что у Пашки в семье всё хорошо. Первое время были какие-то конфликты, но потом всё утряслось. Двух мальчишек вырастили. В одной школе так и работают, Павел, правда, уже психологом, заочно диплом получил. И на тебе, эта тетрадь. И куда её теперь девать?

Обдумав ситуацию, Людмила твёрдо решила объяснить старому другу, что стихи его при всём желании взять не может. Не пройдут они, неформат.

Приготовила в подарок Поэтический словарь Квятковского, пусть теорию почитает, подработает, может быть когда-нибудь что-нибудь и получится. Но не сейчас. Встречу специально назначила не дома, а в скверике на скамейке, чтобы она не стала слишком доверительной. Когда друг подошёл, она умышленно держала тетрадь в руках.

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр.7).

- Ну, как? – начал он с места в карьер, - Что-нибудь удалось выбрать стоящее, или я во всём полная бездарь?

- Садись, поболтаем, - решила она начать издалека, чтобы его сразу не обидеть. - Слушай, а вы с ней встречались, что ли? И как тебе удалось это при семейной жизни?

- А, значит, поняла всё? Нет, не встречались. Никогда.

- Подожди, а как же стихи? Там где ты только с ней не побывал?

- А вот так, Люся, - грустно улыбнулся он, - я и не жил словно. Так, делал, что положено делать мужику моего возраста и положения. А жил по вечерам, вот в этой тетрадошке. И путешествовал, и любил, и всё прочее. Что, удивил?

Да как не удивить? Она, конечно, слышала, что иногда люди, не умеющие изменить не устраивающую их ситуацию, смиряются с ней и проживают желаемую жизнь в своих снах. Уходят в них по ночам, и там счастливы. Это тоже, конечно, из разряда психиатрии, всегда казалось ей. А здесь ещё удивительней! Ну, разве может старенькая тетрадошка в 96 листов вместить всю человеческую жизнь? И ведь сам психолог?!

- Послушай, а согласишься она тогда, в день твоей свадьбы, уехать с тобой, уехал бы? И оставил бы беременную на четвёртом месяце невесту?

- Я и сейчас бы уехал, - опустил Павел голову.

Он и в шестьдесят был красив. Сколько девчонок вздыхало в своё время по этой волнистой, слегка поседевшей теперь, гриве. И угораздило же его с этой Варей так вляпаться...

Что и сказать-то тут? Заговорила о каких-то пустяках, неудобно было прощаться сразу. Рыжую тетрадь со стихами убрала в свою сумку, ничего не объясняя больше. И словарь Квятковского остался лежать, где был. Хорошо, что ещё не сказала такого обыденного в наши дни, но в данной ситуации страшного слова «неформат». Теперь это касалось не только его стихов. Вся его жизнь была – неформат. И перевести её в другое русло мог только он сам. Если мог, конечно.

Она медленно брела по весёлому зелёному парку и ни о чём не могла думать. Только крутились в мозгу неотвязно строки из тетрадки, длиною в Пашкину жизнь:

Взмоем ли на небеса,
Упадём ли, мы не знаем.
И стоим – глаза в глаза,
Между бездною и раем.

В ВИТЕБСКЕ ЗНАЛИ О НАС

Нынешним летом работники и читатели андреапольской библиотеки побывали на увлекательной экскурсии в Витебске. Посетили и центральную библиотеку города. Обмениваясь подарками, в числе которых была и подборка газеты «Светлячок», услышали следующее: «Ой, ваша газета! Читали её в Интернете, очень интересная. А вы разве не все номера привезли?» Ну, как такому не обрадоваться.

На снимке: Н. В. Белякова вручает газету коллеге из Витебска.

«ДУХ ПОЭТИЧЕСКОГО БРАТСТВА»

Проведённый под таким девизом Андреапольской библиотекой и литературным клубом «Светлячок» поэтический фестиваль нескольких районов западной зоны области имел последователей. Подобные встречи позднее прошли в Нелидове, Пено, Западной Двине. На каждой из них побывали и наши авторы.

НОВЫЕ КНИГИ

Вышел в свет стихотворный сборник Маргариты Петровой «Попутчица». В нём собраны стихотворения не только последних лет, но и периода более раннего. Автор надеется, что и они, со всеми своими техническими несовершенствами, будут приняты земляками, так как в них вложена частичка её души. Первые

отзывы уже радуют: «Маргарита! А книга Ваша - очень даже. Обицими словами хвалить не хочется, да и лучше её читать. СПАСИБО!!!! Пётр Бобунов».

Приобрести книгу можно в библиотеке и газетных киосках Андреаполя.

• Гости клуба

Александр Отливанчик

Александр живёт и работает в Твери, но в Андреаполе бывал не только, по делам службы, но и с дружескими визитами. Он, постоянный участник «Каблуковской радуги», предложил нам свои стихи из готовящейся к печати книги:

«Здравствуйте, посылаю вам свои стихи. С уважением к андреапольской земле».

* * *

На душе моей неуютно –
душу крутит, ломает, стужит,
как от жажды похмельным утром,
когда ты никому не нужен.
Это чувство витает, давит
безысходной печатью краха,
по инерции, против правил,
вместо соли - на ране сахар.
Сладко? Да, но только снаружи.
Песни хором всегда приятны...
Душу крутит, ломает, стужит,
думы муторны, сердце ватно.
Не залить эти думы водкой
и не смыть с этой раны страха...
Просто выйти на берег Волги,
сделать выдох ... И ну его на фиг!

* * *

Я живу под впечатленьем
от улыбок и печалей,
от своей душевной лени
- мой корабль к ней причалил.
Не хватает свежих мыслей,
чтоб наполнить его парус.
Вместо строф, как якорь, числа,-
ими вместо строк пиарюсь...
Загоняю нрав свой в угол,
молча вою, ткнувшись носом
в мир, рублём набитых пугал,
изогнувшийся вопросом.
Почему так жестко падать?
Про соломку забываю...
И спасти в вишнёвом саде
Жизнь свою не успеваю.

СВЯТОЕ МЕСТО

Бан Банычу Петушкову

Святое место для компании
вполне приличных мужиков -
не божий храм, а просто баня и
накрытый стол - закон таков.

Навек сплочённые заботами,
охотой, возрастом, судьбой,
мы, четвергами - не субботами,
живём довольные собой.

Общенье - это обновление
и очищение души,
а лёгкий пар во исцеление,
да стопок звон - так хороши!

Приняв небес благословление
и голой правде в унисон,
святого ради омовения,
мы ждём пропаренного веника...
Кто верит в баню - тот спасён!

«25»

Посеребрились наши годы,
пройдя ухабов километры
через седые непогоды
под рваным ветром.

Посеребрились наши кудри
от поучительных падений.
Чем дольше жизнь, тем выше
мудрость - ждём восхождений.

Посеребрились наши чувства –
добрее стали у порога.
Через него к земному устью
одна дорога.

Посеребрилось наше счастье,
пробив тропу на ту дорогу.
Быть вместе - только в нашей власти.
И, слава богу.

НИША

Хлещет жизнь на отмашку.
Вьются стаи ворон.
Чёрную жгу рубашку
после двух похорон.
Освободилась ниша
старшего мужика.
Хватит вороны, тише,
карканьем завлекать.
Выцветший куст сирени,
рваная в срывах речь.
Господи, дай мне время,
чтобы маму сберечь.

• Готовится к печати: «А у нас во дворе»

Валентин Пажетнов**Клара****РАССКАЗ**

Эту кличку получил птенец серой вороны, который попал к нам на биостанцию в мае ещё не оперившимся, только что вылупившимся из яйца. Птенца передали электрики города Торопца. Вороны устроили своё гнездо на металлической опоре высоковольтной линии электропередач так, что при случившемся ремонте электрикам пришлось его разорить. Большеголовый, птенец, с угловатыми ножками и крылышками, обтянутыми розовой кожицей, беззащитный сирота в большом, бесстрастном мире, неизменно, у каждого, кто его видел, вызывал чувство сострадания, желания как-то помочь ему выжить. Птенец скрипуче пищал, доверчиво раскрывал широкий, розовый ротик всякий раз, как только видел приближающуюся к нему руку – просил есть. Почему-то все решили, что это девочка и само собой к птенчику «приклеилось» имя Клара. Птенца посадили в ящик, который первое время стоял на светлой веранде дома. А когда Кара чуть подросла, на день ящик выставляли во дворе, на широком столе и оставляли открытым. Сквозь детский пушок у птенца вскорости проросли отливающие блеском, жёсткие пёрышки. Клара научилась вылезать из ящика, обретала таким образом полную свободу и выбирала место для своего пребывания по настроению. То присаживалась на краешке стола, на солнышке, и могла просидеть там целый час, то забиралась после еды под лавку, в самую гущу разросшейся здесь травы, и засыпала там таким крепким сном, что никакие позывы не могли её разбудить. Клара отличалась завидным аппетитом, и каждый из сотрудников биостанции, конечно, старался припасти для неё кусочек послаще. Ворона набивала приношениями свой зоб до отказа, а потом старательно прятала то, что не могла съесть, во все щёлки, которые только находила между разошедшихся досок крышки стола, или в потаённых уголках обширной веранды дома.

В июне ворона подросла, поднялась на крыло, и вот тут-то начались различные приключения с её участием. В то время на биостанции работали студенты и учёные из Москвы, Швейцарии, Италии, Англии. Во дворе нашего дома по вечерам традиционно собирались сотрудники для обсуждения дел дня прошедшего и планов на день грядущий. Двор представлял собой небольшой участок, заросший соснами, среди которых стоял длинный стол. На стол выставлялись продукты, пыхтящий паром самовар и начиналась беседа, в которой обычно принимали участие около 10 человек. Ближе к середине вечера, в самый разгар беседы, из кроны ближайшей сосны на стол нередко пикировала Клара! При этом она не слетала просто на стол, а выбирала конкретную цель – кусок ветчины или сыра у кого-то на тарелке, неосмотрительно доверчиво оставленные на столе без присмотра платок, ручку, листок с записями, брелок или ключи. Схватив в клюв добычу, Клара мгновенно взмывала вверх, усаживалась на ветку так, чтобы достать её было трудно даже с применением длинного шестика. Потеря ветчины и сыра ни у кого не вызывали огорчения. Но листок с только что сделанными записями и, особенно, ключи или дорогая ручка, такое бывало, заставляли потерпевших внимательно следить за птицей. Листок Клара «читала» по-своему, разрывала его на мелкие кусочки, не обращая никакого внимания на высказывание в её адрес самых обидных слов. Ключи или ручку зажимала лапой, деловито обстукивала клювом со всех сторон и, потеряв к ним интерес, бросала на землю. Но было несколько случаев, когда Клара старательно пристраивала похищенные предметы на какой-нибудь сучок, и не выпускала их из клюва до тех пор, пока не убеждалась в том, что они надёжно зависли. Приходилось потратить немало усилий, чтобы столкнуть с двенадцатиметровой высоты пристроенную вещь. При этом Клара сидела на ветке в метре от зависшего предмета и внимательно наблюдала за действиями орудовавшего длинным шестиком человека. В вечерних сумерках редко удавалось с одной - трёх попыток столкнуть воронью «ухоронку». Человек старался попасть концом шестика в зависший предмет, тонкий конец гнулся, задевал за многочисленные сучки и уходил вовсе не в ту сторону, куда его направляли.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр.10).

Всякий раз, после неудачной попытки, ворона «рассыпалась» в вечерней тишине серией громких карканий, кивая при этом головой и потряхивая крыльями. Все присутствующие, не сговариваясь, понимали это как саркастический хохот над неудачными стараниями человека! Но если ключи удавалось сбить с первой попытки, Клара беззвучно слетала со своего наблюдательного пункта и до следующего дня уже не показывалась.

Ворона оказалась очень общительным созданием. Она не терпела одиночества и предпочитала находиться в любой компании, в которой непременно находила для себя дело. В доме проживала шотландская овчарка, Эмми. Собака выросла вместе с детьми и была приучена ими приносить заброшенную палочку. Клара посидела, посмотрела на игру детей с собакой и решила принять в этой игре своё участие. Как только дети бросали палочку, Клара стремительно к ней летела и едва палочка падала на землю, подхватывала её клювом, нередко под самым носом собаки, и летела прочь, если палочка была для неё под силу. При этом ворона проявляла завидное упорство. Если палка была большой, или Эмми успевала схватить её раньше вороны, Клара вцеплялась клювом в конец палки, повисала на ней, отчаянно хлопала крыльями, болталась, дергалась и сердито скрипела. Отцеплялась от палки она только тогда, когда собака приносила палочку детям.

Если шофёр занимался ремонтом машины, Клара непременно крутилась у него под руками, изыскивая возможность стащить шайбу, гайку или небольшой болтик. Ремонтнику нужно было оставаться постоянно внимательным и не оставлять без присмотра мелкие запчасти. Клара быстро соображала, что все детали находятся под надёжным контролем человека, демонстративно отлетала в сторону так, чтобы не привлекать к себе внимания. Через время она пешком, с остановками подбиралась к потерявшему бдительность, занятому ремонтом человеку, выскакивала на кучку запчастей, нахально и громко каркала, хватала в клюв первую попавшуюся деталь и улетала в неизвестном направлении! Найти после этого утаченную вороной гайку или иную «железку» не представлялось никакой возможности. Однажды машину осматривал мой сын – заглядывал под её днище. Присутствовавшая при этом Клара незаметно для него вытащила за брелок видневшиеся из кармана пиджака ключи от автомобиля. Беззвучно слетела в сторону, села на землю и начала, по своему обыкновению, «изучать» добычу – обстукивать ключи клювом. Ворона привлекла внимание проходившего рядом рабочего. Едва он посмотрел на неё, как Клара подхватила ключи, полетела, села на островерхую крышу дома, положила ключи на самый край крыши и улетела прочь. Если бы, по счастливой случайности, ворону с ключами не увидел рабочий, найти их было бы невозможно.

На биостанции проводились работы с медвежатами-сиротами, которые летом получали свою подкормку в вольере, в лесу, в отдалении от деревни. В лес нужно было вынести ведро, а то и два ведра каши в день. Медвежата приходили из леса за подкормкой в вольер и их можно было сосчитать – все ли целы? Клара нередко сопровождала сотрудника, выносившего кашу – летела впереди него, оглашая весь путь передвижения громким карканьем. Прошло немного времени и медвежата сообразили, что карканье вороны напрямую связано с возможностью подкормиться кашей. Заслышав её карканье, они бежали к вольеру! Клара по-своему использовала этот, проявившийся у медвежат навык. Если ей хотелось посмотреть на медвежат, она летела в лес, усаживалась на дерево и громко каркала до тех пор, пока к ней не прибежали звери. Однако эта её проделка закончилась быстро – медвежата в свою очередь, сообразили, что каша может появиться только в вольере, и на карканье вороны в другом месте внимания не обращали. Способность ворон успешно решать задачи различной сложности была хорошо известна учёным - этологам, работавшим на биостанции.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 11).

Конечно, Клара нередко подвергалась различным опытам «на сообразительность». Для понимания её психических достоинств достаточно привести один пример. На стол положили кусочек сыра и накрыли его чайной чашкой. Клара попыталась поддеть клювом чашку, чтобы опрокинуть её и достать сыр. После нескольких неудачных попыток, она клювом взяла чашку за ручку, перевернула её и достала сыр. Прошло немного времени, и опыт повторили. Ворона подошла к чашке, взяла её за ручку, опрокинула и забрала свой сыр. Одного правильного решения задачи оказалось достаточным, чтобы у неё сформировались следы в памяти о выполнении определённого действия для достижения конечного результата – получить сыр из-под чайной чашки.

Осень. Заезжие учёные разъехались. Постоянные жители деревни занялись хлопотливой подготовкой к предстоящей зимовке. День стал коротким. По вечерам уже никто не собирался во дворе за гостеприимным столом. Дети ушли в школу. Медвежат вывезли и выпустили на свободу в соседнюю Новгородскую область. Для общительной Клары настала скучная пора. Ещё сколько-то времени она держалась в деревне, провожая спешивших по своим делам жителей. А потом улетела. Объявилась в соседней деревне Косилово, отстоявшей от нашей за два километра. Пожила там с неделю, подкармливаясь блинками и оладушками со сметаной на крыльце у приютившей её хозяйки Евгении Сонниковой. А потом слетела. На следующий год Клара появилась на биостанции весной, в мае. Но это была уже не та ворона, которую мы знали. Она летала по всей деревне, как бы проверяла свои бывшие владения. Если её подзывали, она подлетала, но в руки не давалась, усаживаясь от человека на значительном, безопасном, по её вороньим понятиям, расстоянии, пристально смотрела на позвавшего её человека и каркала, как бы спрашивала – «Зачем позвал?» Хлопот Клара доставила летом, когда начались работы с воронами, специально содержавшимися на биостанции. Для проведения с ними экспериментов, на площадке была смонтирована специальная установка. В неё помещалась ворона, человек уходил в укрытие-домик, чтобы не отвлекать ворону от решения задачи своим присутствием. Вся работа установки осуществлялась дистантно, с использованием электроники. Как только у учёных начиналась работа – появлялась Клара. Она садилась на установку, трясла сетку, беспрестанно каркала, всем своим видом и поведением показывая подопытной вороне, что люди с ней обращаются недостойно, грубо! Конечно, подопытная ворона отвлекалась, вся работа со специальной, длительной подготовкой к эксперименту шла на смарку! Клару прогоняли, опыт откладывали на несколько часов, а то и вовсе на другой день. Но Клара из деревни никуда не желала улетать и, казалось, только и дожидалась того момента, когда начнут проводить очередной опыт с воронами, чтобы «поучаствовать» в этой работе. Терпение сотрудников дошло до той самой крайней точки, когда присутствие Клары вызывало желание избавиться от этой птицы любым образом! Жалобы на неё руководителю биостанции посыпались как горох из ведра! Решено было выстрелить в Клару холостым зарядом из ружья, чтобы напугать её в момент домогательств к подопытной товарке. Но эта надобность, вдруг, отпала. Как только было принято такое решение, Клара перестала летать на площадку к учёным, оставаясь при этом жить в деревне! Что на неё подействовало, остаётся только гадать. Опыты с воронами успешно завершились. Клара прожила в деревне до осени, оставаясь одиночкой. Не было замечено, чтобы она как-то контактировала с другими воронами, которые жили на прилегающей к деревне территории. Осенью она улетела и больше в Бубоницах не появилась. О себе эта удивительная птица оставила самую яркую память, как особое творение Природы, вобравшее в себя широкое многообразие различной деятельности и присутствие тонкого интеллекта, где простота зачастую тесно граничила с поразительной сообразительностью, упрямой решительностью и юмором.

• Пошла писать губерния

Александр Павлов

г. Андреаполь

Ну, зачем вы гоните, зачем?
Ведь уже кончается дорога.
Не стегайте плетью лошадей.
Я прошу вас, не стегайте, ради Бога!

Мне теперь не хочется спешить
И не надо больше торопиться.
Ни к чему мне эта ваша прыть,
Я сумел давно остепениться.

Олег Соколов

п. Бологово

Мы часто забываем о других,
Чтоб цель свою достичь любым путём.
А потеряв кого-то из родных,
Мы долго молча каемся потом.

По совести жить должен человек,
Для общества, своей семьи, страны,
И дай-то Бог, чтоб в атомный наш век
Нам не дожждаться атомной войны.

* * *

Я в жизни лёгких не ищу путей,
Присвоить славу чью-то не стараюсь,
Я жду лишь пониманья от людей
И их понять настойчиво пытаюсь.

Алекс Соколов

с. Торопацы

Деревенская околица

Деревенская околица –
Стыд и боль моей души.
Песни уж не хороводятся
В новоявленной тиши.
Не кричит петух на зореньке,
И корова не мычит.
Воют ночью волки серые,
Да ушастый сыч кричит.
Опустело. Обезлюдело

Многолюдное село.
Крыши изб, давно заброшенных,
Будто пьяных повело!

Александра Лельбикс

г. Андреаполь

Вечер... Венеция

Вечер... Венеция... скоро на темном небе
зажгутся звезды...
Таинственной тишиной поплывет ночь над
водой...
Тебе не уснуть... ты бродишь по пустынной
улочке...
Напеваешь в небо колыбельную любимой
Звездочке...

Она где-то далеко... но так близко с тобой...
Закрываешь глаза... сжимаешь ее руку своей
рукой...
И вы вдвоем... вместе... и больше ничего не
надо...
Одна мечта - хочется просто быть с нею рядом...

Не тревожится ни о чем... вместе любоваться
звездами...
Загадывать желания... считать одну за одной...
Рассвет встречать... тонуть в первых солнечных
лучах...
Вечер... Венеция... Любовь... одна на двоих...

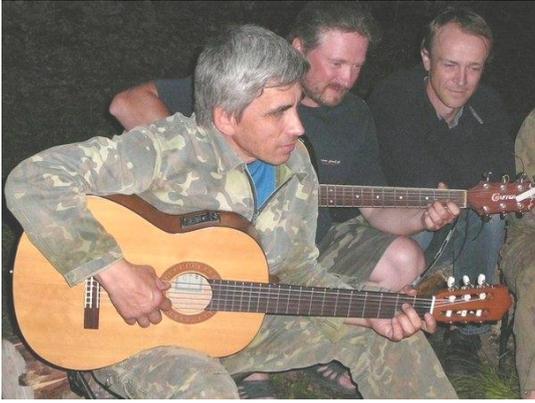
Евгений Фёдоров

д. Луги

Тишина

Вот я слушаю тишину,
Проплывающую надо мной.
Вновь я слушаю тишину,
Сидя в комнате полупустой.
В каждом звуке есть смысл свой,
Свой порядок и свой резон,
Звуки по сердцу – в унисон,
(Свой закон, да и свой фасон),
Ну, а как же быть с тишиной.
Ветра шум за окном – тишина,
Провода гудят – тишина,
И луна в облаках – тишина,
Рядом дышишь ты – тишина.
Щебет птиц поутру – тишина,
Шум дождя за окном – тишина,
Если мир на земле – тишина,
Остальное все – ерунда...

• Творческие встречи

НАША «ГРУША»

Мы въехали на Кольский Бугорок в самое «мёртвое» бардовское время – в 10 часов утра. Бугорок спал. Лениво поднимался дымок от затаятого, словно инеем, толстым слоем пепла прогоревшего костра. Бесшабашные поползни всю хозяйничали на неприбранном столе, то и дело шныряя в ближайшие кусты с очередной добычей – то с хлебной крошкой, то с подсохшей спиралькой шкурки от колбасы. «Добрый вечер, Кольский Бугорок!» – в соответствии с принятой здесь традицией дружно проорали мы. Поползни испуганно брызнули со стола. Из ближайшей палатки высунулось заспанное лицо. «Народ, подъём!

Юриновы приехали!..». Спустя минуту мы уже были окружены плотным кольцом «бугорчан». Улыбки, объятия, поцелуи, хлопанья по спине – «Ну что?!.. Ну как вы?!.. А вы как?!..» – и тает скопившаяся за долгую дорогу усталость, уходит напряжение, и в душу вливается умиротворение и покой – мы среди друзей, мы дома...

В тридцать девятый раз проходил в этом году на самарской земле фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина – в просторечье «Груша». Точнее, фестивалей проходило два – ещё в 2006 году, на почве финансовых споров (а как же без них – где деньги, там и споры!), Грушинский фестиваль разделился на два. Оба они и проводятся с тех пор в первую неделю июля: один на старом месте – на Мاستрюковских озёрах, другой – в пятнадцати километрах – на Фёдоровских лугах. Шесть лет не прекращаются финансовые споры и сопутствующие им дразги, склоки и взаимные оскорбления. Дело дошло до смешного – с прошлого года фестиваль на Мастрюковских озёрах, вследствие юридической казуистики, не имеет права упоминать в своём названии имени Валерия Грушина и официально именуется теперь: Фестиваль «Платформа». К сожалению, споры финансовой верхушки, организаторов фестиваля, отразились и на бардах, и на приезжающих каждый год под Самару многочисленных любителей авторской песни – часть из них (большая) осталась на прежнем месте, но часть, перебравась под Фёдоровку, на гораздо менее удобную (но зато имеющую право козырять именем Валерия Грушина!) площадку.

Какими убогими видятся все эти споры с высоты нашего Кольского Бугорка! Какими мелкими и незначительными! Что делите, ребята? Песню? Имя погибшего при спасении детей Валерия Грушина? Свою душу?

Разве можно измерить деньгами тот творческий заряд, который получают на фестивале десятки тысяч (а в этом году на обеих «Грушах» побывало в общей сложности около 80 тысяч человек!) почитателей авторской песни?! Разве можно оценить в рублях веру? Дружбу? Любовь? Разве можно лопатой разделить хрустальный родник?! Нет! Можно только замутив в нём воду. Но муть со временем сойдёт. И сколько бы труб не пристраивали к источнику хлопотливые любители звонкой монеты, роднику от этого ни жарко, ни холодно. Он питается от столь глубоких слоёв, куда ни за что не дотянутся загибающие руки алчных культуртрегеров. Он знай себе бьёт и бьёт. И совершенно бесплатно питает своей ключевой водицей любого страждущего, желающего пригубить от Прекрасного, от Вечного. От Искусства. От Авторской Песни...

А Кольский Бугорок, разбуженный нашим появлением, тем временем постепенно оживал. Потянулись с полотенцами на плечах к Мокрому Тащаку первые купальщики, кто-то, встав на четвереньки, с испачканным сажей лицом и со слезящимися глазами упорно раздувал костёр, а кто-то, присев в сторонке на складной стульчик и расчехлив гитару, уже негромко трогал струну. Мы, немного отойдя от суеты и радостного волнения первых минут, принялись ставить палатки и оборудовать лагерь. Мы всё делали обстоятельно. Мы не торопились.

Впереди нас ждал фестиваль: целая неделя праздника – семь дней и семь ночей, до отказа заполненных душевными песнями и душевными разговорами, купаниями в Волге и сидениями у костра, концертами известных бардов и нашими концертными выступлениями, встреч со старыми друзьями и новых интересных знакомств. Целая неделя радостных волнений и сбывшихся ожиданий, неожиданных творческих взлётов и бесконечной душевной умиротворённости. Неделя светлых слёз и беспечного громкого смеха.

Нас ждала целая неделя счастья.

Владимир Юринов

• **МЫ ПОМНИМ ВАС**
АНГЕЛИНА НИКОЛАЕВНА ДЕМЬЯНОВА
 1945 – 2012

Её нет уже несколько месяцев, а рука то и дело тянется набрать знакомый номер, если требуется какой-то совет. Вот сейчас позвонишь и услышишь знакомое: «Подожди, я тебе сейчас рассужу...» И рассудит, а когда делишься очередной неприятностью, то и успокоит. И если бы только у меня одной такое желание возникало.

Требовалось летом для нелидовской поэтической группы, пожелавшей познакомиться с Андреаполем, экскурсовода найти. Того попросили, этого – кому некогда, у кого гости. «Да, была бы Ангелина, - посетовала директор ЦБС Н. В. Белякова, - точно не отказала бы. Да и показала бы всё в лучшем виде».

Так бы и было при её активности и деятельной натуре. Несмотря на болезни, одолевавшие в последние годы, Ангелина Николаевна многим занималась на общественных началах: пела в хоре ветеранов, собирала материалы для краеведческого музея, выступала на заседаниях «Светлячка», принимала участие во встречах с интересными людьми, которые проходили в библиотеке, писала в нашу клубную газету. На конкурс прислала свой рассказ, полный юмора и наблюдательности за братьями нашими меньшими под названием «Кузькина мать».

«Я вам ещё про гусей напишу, - обещала, - есть тут интересные наблюдения». Не успела. Многого ещё не успела. В сентябре мог бы быть очередной день её рождения, но ей навсегда останется лишь 66. Такой мы её и будем помнить.

М. Петрова,
 председатель литературного клуба
 «Светлячок».

• Гости клуба
Игорь Столяров

г. Нелидово

Отыграв цветными снами,
 Загрустив о настоящем,
 Тихо бродит меж домами
 Ветер в кителе шуршащем.
 Партизанит в подворотнях,
 На ходу меняет лица...
 Отчего же в ночь сегодня
 Как и мне, ему не спится, -
 Будто он разбужен тоже
 Тридцать пятою весною?
 Ею город растревожен,
 Как нежданною войною:
 Вот шеренги строгих улиц
 Вдаль усталились куда-то
 И домов ряды сомкнулись
 В грязно-белых маскхалатах...
 - Что же, столько звёзд навесив
 На шуршащий тёмный китель,
 Нынче ходишь ты невесел,
 Полуночный мой воитель?
 День-прожектор будет светел
 В блеске солнечно-искрящем,
 А пока побродим, ветер,
 Погрустим о настоящем!..

* * *

...В час, когда расцвечен свод огнём зарниц,
 Нарисую вечер, облака и птиц.
 Углями камина набросаю даль,
 Где за дымкой стынет горизонта сталь.
 Вышину-безбрежность не посмеют сечь
 Сабли туч мятежных, ливня тяжкий меч.
 Будет шёлк над рощей чист и неизмят, -
 Только крыльев росчерк оттенит закат...

* * *

Сулили детские мечты мне лёгкий труд:
 Вот повзрослею – стану кем-то, буду крут!..
 Мечта недетская теперь – мой вечный бой:
 Помолодеть бы, став опять самим собой!

• КАРТИНКИ С НАТУРЫ

ЛЮБОВЬ И ГОЛУБИ

Есть в нашем Андреаполе на улице Кленовая любитель голубей. Вероятно, уважаемый человек. Что абсолютно точно, знаком многим жителям города. Часть их (я в том числе) однажды июльским вечером были шокированы голубятником так, что прийти в себя не могли долго.

Предполагаю: в голубятню залез кот. Дальнейшую жуть видел собственными глазами, о чём и рассказываю.

Голубятник, загнав кота в клетку, стал убивать его вилами. Происходило это на глазах прохожих, жителей дома №1. Живодёр колот кота, убирал вилы и наблюдал за мучениями. Методично, раз за разом. Бедная животина кидалась на стенки клетки. Лапы не выдерживали – кот обрывался, падал на дно. После очередного удара всё повторялось.

Прохожие кричали. А мужик продолжал творить своё. Вилы в его руках останавливали охотников вступить за обречённого кота.

Искренне мечтается осудить голубятника за жестокое обращение с животными. Подобный ужас разрушает добропорядочный образ нашего города. Это цинизм, безнравственность воплоти. За происходящим могли наблюдать дети.

Вот такая «любовь». Один за голубей идёт с вилами на беззащитного. Другой так и не дожждётся возвращения домой безвинного кота. От такой «любви» плохо даже нам, совершенно посторонним.

АХ, СОЧИ...

Ровно за сутки до открытия XXX Олимпийских игр в Лондоне на презентации в Сочи выступала российская делегация.

Её транслировали государственные телеканалы.

...Большой начальник – руководитель строительства сочинских олимпийских объектов собственноручно пишет на стене. Но вот что у него получается: SOSHI вместо SOCHI.

Ошибка, не простительная для чиновника такого уровня! Не мешало бы знать точное название того, чем руководишь. Да и нам с вами конфуз. Стройка-то всемирного значения!

БЫТОВУХА

Уже не один год длятся пустые дебаты о капитальном ремонте крыши жилого дома №35 в «черёмушках». Давным-давно кровля всех соседних домов перекрыта. Безуспешно бьются за своё лишь жильцы 35-го.

То, что их крыша дышит на ладан, видно даже в ГУГЛе на снимках Андреаполя спутником. Кто прав? Кто виноват?.. А у меня родилась пока что вот такая карикатура:

Тексты и рисунок
Якова Мирова,
Андреаполь-Москва